

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В. А. БАРИНОВ,
К. В. БАРИНОВА
(Омск)

«ВСЕНАРОДНАЯ ТЕМА ДЛЯ ЛИЧНОГО СНОВИДЕНИЯ»

К 125-летию со дня рождения
И. А. Ильина

Среди научной элиты, волею судьбы оказавшейся за пределами Отечества, особое место принадлежит Ивану Александровичу Ильину — ученому, педагогу, гражданину и патриоту России, одному из самых известных мыслителей русского зарубежья. Русский писатель-эмигрант И. С. Шмелев назвал профессора И. А. Ильина «совестью русской интеллигенции» [Шмелев 1988, 154].

И. А. Ильин родился в Москве 28 марта 1883 года в дворянской семье присяжного поверенного округа Московской судебной палаты, губернского секретаря Александра Ивановича Ильина и Екатерины Юльевны Ильиной (урожденной Швейкерт). Александр Иванович — коренной москвич, представитель древнего дворянского рода, его крестным отцом был Александр II. Дед, полковник Иван Иванович Ильин, служил начальником Кремлевского дворца.

По материнской линии И. А. Ильин — немецкой крови. Его дед, врач Юлиус Швейкерт фон Штадион, эмигрировал в Россию в 1830-х годах и стал русским подданным. Он был коллежским советником (это 6-й чин в таблице о рангах, что соответствовало чину полковника). У Ивана Александровича было два старших брата, Алексей и Александр, которые впоследствии стали юристами. Он с большим ува-

жением относился к своим родителям: отцом гордился, мать боготворил. В доме Ильиных царили любовь, счастье, сердечная атмосфера взаимопомощи и поддержки. В семье И. А. Ильину привили любовь к русскому фольклору, и прежде всего народным сказкам, былинам, преданиям и песням. Из личного опыта он делает глубокие обобщения и замечательные выводы: «Сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое чувство героического — чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы; она учит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность мира, отличие “правды и кривды”. Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее. В сказке народ схоронил свое вожделенное, свое ведение и ведовство, свое страдание, свой юмор и свою мудрость. Национальное воспитание неполно без национальной сказки. Ребенок, никогда не мечтавший в сказках своего народа, легко отрывается от него и незаметно вступает на путь интернационализации. Приобщение к чужеземным сказкам вместо родных будет иметь те же самые последствия» [Ильин 1993, 204—205].

Именно красота русского устного народного творчества пробудила в нем национальные чувства, принесла ему первые, и незабываемые, художественные впечатления. Именно здесь истоки его любви к русскому слову, русскому духу и России. Позднее мыслитель, обращаясь к книжному шкафу, написал трогательные слова: «Прощай, старый друг! Мы должны расстаться. Я отправляюсь в дальний путь, а ты не можешь последовать за мной. Забуду ли я тебя? Никогда! Это означало бы забыть самого себя: ведь моя жизнь

всегда была связана с тобой. Там, внизу, стояли сказки Андерсена и братьев Grimm, которые читала нам бабушка. С тех пор я — “стойкий оловянный солдатик” и сохраняю “невозмутимое выражение лица”» [Ильин 1994, 110]. Особо отметим, что этот сказочный образ — «стойкий оловянный солдатик», ставший символом мужества, верности и преданности, — как нельзя лучше олицетворяет духовный и гражданский облик Ивана Александровича.

Одаренность И. А. Ильина обнаружилась довольно рано. Золотую медаль и диплом первой степени он получил, обучаясь соответственно в московских гимназиях и на юридическом факультете Московского университета. У него было прекрасное образование. Он владел несколькими языками (церковнославянским, латинским, греческим, немецким, французским), играл на рояле, любил литературу, театр и искусство. В 1910—1912 годах находился в научной командировке в университетах Германии и Франции. С 1912 года — приват-доцент, с 1918 года — профессор Московского университета. В 1921—1922 годах — действительный член Института научной философии, с 1924 года — член-корреспондент Славянского института при Лондонском университете.

И. А. Ильин свою научно-педагогическую деятельность начал в 1909 году на Московских высших женских юридических курсах, затем преподавал на юридическом факультете Московского университета и в Коммерческом институте. По отзывам современников, Иван Александрович был отличным лектором и пользовался популярностью среди студентов.

Большой резонанс среди научной общественности получила его магистерская диссертация в двух томах — «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918 год, оппоненты — князь Е. Н. Трубецкой и П. И. Новгородцев). Диссертация И. А. Ильина в профессиональном и научном смысле была столь безукоризненна, что факультет единогласно присудил ему сразу две степени: магистра — за первый том и доктора государственных наук — за второй том. Такой успех в то время был огромной редкостью. Этот труд до сих пор оцени-

вается как лучшее исследование о Гегеле на русском языке.

После революции 1917 года мыслитель включился в идейную борьбу против нового строя, что и послужило причиной его неоднократных арестов. В 1922 году он был арестован в шестой раз и приговорен к смертной казни, замененной высылкой из России в Германию. 26 сентября 1922 года И. А. Ильин вместе с супругой Н. Н. Вокач-Ильиной на немецком пароходе «Обер-бургомистр Хакен», более известном в отечественной публицистике как «философский пароход», отправился в изгнание из Петроградского порта в германский город Штеттин.

И. А. Ильин с 1923 года преподавал в Русском научном институте в Берлине и активно участвовал в политической жизни эмиграции. После прихода к власти нацистов в Германии в 1934 году он был уволен из этого института, но продолжал свою философско-писательскую деятельность. В 1938 году гестапо наложило арест на его печатные труды и запретило ему публичные выступления. Это вынудило его в этом же году эмигрировать в Швейцарию. Здесь 21 декабря 1954 года И. А. Ильин умер¹.

И. А. Ильин как мыслитель понимал свою гражданскую ответственность и патриотический долг перед будущей Россией, был последователен в своих действиях. Свое жизненное кредо ученый в 1938 году сформулировал предельно четко и лаконично: «никогда не руководствовался в своей научной, общественной и политической деятельности чуждыми мне директивами; всегда поступал согласно собственным ре-

¹ 3 октября 2005 года на территории Свято-Донского монастыря в Мемориале национального примирения перезахоронены останки русского философа И. А. Ильина и генерала А. И. Деникина, которые доставлены в Москву соответственно из Цюриха (Швейцария) и Нью-Йорка (США). Акция по перезахоронению выдающихся сынов России и их близких, вынужденных силой обстоятельств когда-то покинуть Родину, организована Российским фондом культуры при содействии Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при МИД РФ. Эта инициатива была поддержана Президентом России В. В. Путиным. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II назвал это событие «закономерным объединением двух частей русского народа, одна из которых жила в эмиграции».

лигиозным и философским убеждениям. В поступках своих и убеждениях я был ответственен только перед Богом, перед своею совестью, своим народом и Отечеством — более ни перед чем» [Ильин 1999, 464]. Это как раз и есть сущность ильинского «стойкого оловянного солдатика».

Главный предмет исследований, ради которого он написал все остальное, — Россия, русский народ, русская история, русская культура и ее будущее. Творческое наследие И. А. Ильина, включающее в себя научно-исследовательские и публицистические работы, в том числе труды по философии, правоведению, государствоведению, истории, педагогике, культурологии, литературоведению, искусствоведению, впечатляет. Первое в России собрание сочинений мыслителя, издававшееся с конца XX столетия, включает около тридцати книг. Помимо уже названной работы «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918) в него вошли также труды ученого: «Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления» (1942), «Русские писатели. Литература. Театр. Музыка» (1978), «Основы искусства» (1937), знаменитый триптих философских этюдов — «Я глядываюсь в жизнь. Книга раздумий» (1938), «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» (1943), «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований» (1945), «Духовный смысл сказки» (1934), «Русская душа в своих сказках и легендах» (1942). Отметим, что 27 мая 2006 года архив И. А. Ильина был возвращен из Мичиганского университета (США) в Московский государственный университет и ждет своих исследователей.

Две упомянутые работы — «Духовный смысл сказки» и «Русская душа в своих сказках и легендах» — представляют исключительный интерес. Почему? Взгляды Ивана Александровича на русские народные сказки помогают понять его творческое наследие как одно из проявлений национальной мысли России. И. А. Ильин не был ученым-фольклористом, специалистом-сказковедом. Но он был доктором государственных наук и имел фундаментальную научную подготовку. Это позволило ему рассматривать русскую народную сказку как предмет научного анализа, выска-

зать глубокие и оригинальные мысли по этой проблеме, изложить их с необыкновенной ясностью и изяществом.

И. А. Ильин исходил из того, что сказки являются наследием дохристианской культуры, одной из форм духовной жизни русского народа, точнее — первой, дорелигиозной философией народа. Исследовательская мысль Ивана Александровича стремилась постигнуть волшебный мир сказки, в том числе раскрыть ее сущность, особенности, законы, которым она подчиняется, рассмотреть вопросы, на которые она отвечает. Мыслитель, понимая неисчерпаемость «сказочной» темы, выделяет главное.

Определение сказки. И. А. Ильин дает великолепное философско-поэтическое определение сказки: «Как и у других народов (у русского, возможно, ярче), сказка — это объективированное созерцание сердца народного, символ его страданий и грез, иероглифы его души» [Ильин 1997, 32]. Акцентируем внимание на том, что все последующие размышления ученого являются, собственно говоря, раскрытием этой дефиниции².

Сущность русской народной сказки. И. А. Ильин как искусный сказитель настоятельно рекомендует: «Какая бы тень ни набежала на вашу жизнь: посетит ли вас тревога о судьбе России, придут ли к вам “мысли черные” о вашей личной судьбе или просто жизнь покажется “несносной раной” — вспомните о русской сказке и прислушайтесь к ее тихому, древнему, мудрому голосу» [Ильин 1996, 259]. Что же поведал Ивану Александровичу тихий, древний, мудрый голос русской народной сказки?

Мыслитель отмечает, что сказка ни на что не притязает, никому не навязывается, ничего не затевает. «Не люблю — не

² При этом будем иметь в виду одно важное обстоятельство. Ученый дал свое определение сказки в 1942 году. Спустя сорок лет отечественный исследователь Т. Г. Леонова представила научное определение сказки, которое уточняет существо рассматриваемого вопроса. Приведем его: «Сказка — это эпическое, чаще всего прозаическое произведение с установкой на вымысел, произведение с фантастическим сюжетом, условно-фантастической образностью, устойчивой сюжетно-композиционной структурой и ориентированной на слушателя формой повествования» [Леонова 1982, 7]. В этом смысле мы и будем понимать сказку.

слушай». Она как цветок, но не садовый, не взращенный намеренно и искусно, а как полевой цветок, который сам обсеется, сам укоренится, сам листочки выгонит и чашечку развернет. Божьим солнышком угрет, Божьим дождичком полит, Божьей птичкой опет, Божьей пчелке мед свой отдаст. И мед тот — чудесный, благоуханный — не дается гордому умнику из «образованных», а дается от пчелы только простому и мудрому пасечнику.

Ученый считает, что сказки являются кладзем народной мудрости, отражают особенности земли русской, и указывает на их исторические корни. «И вот, русская народная сказка, — размышляет И. А. Ильин, — как цвет незаметных и неведомых полевых цветов, а духовный смысл ее, как тонкий и благоуханный мед: попробуешь — и слышишь на языке все неизреченное естество родной природы: и запах родной земли, и зной родного солнца, и дыхание родных цветов, и что-то тонкое и богатое, вечно юное и вечно древнее — все в сочетаниях неопишемого вкуса и аромата. Сотни лет накапливался этот аромат в незаметных и неведомых душах человеческих, в русских душах, незаметно цветших и неведомо отцветавших на равнинах нашей родины. Сотни и тысячи лет этому *отстою национального духовного опыта*, укрытого и развернутого в русских народных сказках» [Ильин 1996, 260].

И. А. Ильин полагает, что русские народные сказки — наследие дохристианской культуры. «Пусть *история* нашего народа, — пишет он, — насчитывает всего одну тысячу лет, но *возраст* народа не определяется *памятью* его истории. Ведь это тысячу лет тому назад наш народ *опомнился* и начал кое-как помнить себя — опомнился, приняв христианство и удержав в своей памяти кое-что дохристианское. Но это дохристианское прошлое его, утраченное его памятью, не утратилось в его опыте и в его духе. Все прежнее свое, забытое в виде достоверных событий, незапомнившееся и забвенное он взял с собою и перенес в свою сознательную историю. Это не летопись, не былина и не бывальщина, не житие и не легенда — *это сказка*. Так это не было; этого всего сроду не бывало. Никогда и нигде не были и не жили эти царевичи и богатыри, эти се-

рые волки и кашеи, эти Иваны-Дураки и кони говорящие, эти Бабы-Яги и Змеи Горынычи. Всего этого не было. И тому, кто присягнул *исторической науке*, а с наукой *духовного опыта* порвал, кто поклоняется доказанному факту и разучился созерцать *показанное обстояние*, кто хочет видеть земным, телесным глазом и потому выколол себе духовное око, кто от чрезмерной «умности» заморил в себе *«вещую простоту»* и *«заумную глубину»*, довел свою рассудочную трезвость до того, что утратил способность хмелеть вместе со своим народом на пиру все преобразующего воображения, — тому пусть будет народная сказка мертва и пусть она кажется ему глупой» [Ильин 1996, 260—261]. И Иван Александрович продолжает делиться своими сокровенными мыслями о русской народной сказке с теми, кто не утратил эту способность.

Русская народная сказка есть первая, дорелигиозная философия народа.

И. А. Ильин акцентировал внимание на философском аспекте сказки, на содержащихся в ней размышлениях о добре и зле. Ученый утверждает, что сказка есть первая, дорелигиозная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме. Эти философские ответы вынашиваются каждым народом самостоятельно, по-своему, в его бессознательной национально-духовной лаборатории. И сказки народов отнюдь не повторяют друг друга. Сходны лишь образные темы, и то лишь отчасти; но не сходны ни вопросы, ни ответы сказок. Мыслитель полагает, что каждый народ по-своему томится в земной жизни, накапливает свой особый — и дорелигиозный, и религиозный — опыт, слагает свою особую духовную проблематику и философию, вынашивает свое мирозерцание. И того, кто стучится у дверей, сказка уводит именно к истокам национального духовного опыта, русского человека по-русски укрепляя, по-русски утешая, по-русски умудряя. «Подумайте только, — рассуждает Иван Александрович, — сколько поколений наших неведомых и ныне забвенных предков жило и томилось, вздыхало и плакало, пело и мечтало, вопрошало и боролось до нас, до нашей памяти, ставя все те же младенчески-философские вопросы 111

и слагая сказочно-философские ответы на них... Сколько бед и опасностей, сколько бурь и войн пережито и осмыслено в сказках» [Ильин 1996, 272].

Размышления над этой проблемой позволили ученому сделать выводы о том, что в сказках русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение, наставить своих детей в первобытной, но глубокой жизненной мудрости, разрешая лежавшие на его сердце жизненные, нравственные, семейные, бытовые и государственные вопросы. И сказки русские — просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны, как дитя; и всегда древни и мудры, как прабабушка; как спрашивающее дитя и как отвечающая старушка: оба — созерцающие младенцы.

Таким образом, И. А. Ильин выделяет важную мировоззренческую роль русской народной сказки: «Сказка — это ответ все испытавшей древности на вопросы вступающей в мир детской души. Здесь русская древность помазует русское младенчество на неиспытанную еще трудную жизнь, созерцая из древнего национального лона всегда новые трудности жизненного пути. И благо нам, если мы, сохранив в душе вечно-го ребенка, умеем и спрашивать, и выслушивать голос нашей сказки» [Ильин 1996, 272].

Особенности русской народной сказки.

И. А. Ильин, исследуя своеобразие русской народной сказки, выделяет следующие ее черты. Она беззаветно доверчива, простодушна, созерцательна; она верит своему видению, всерьез воспринимает его, живет в его образах; следует своей внутренней закономерности, поднимаясь тем самым до искусства и считаясь искусством. Искусство это своеобразно: внешние одежды его — слова; внутренние — сказочный мир образов, являющий собою незаконченное коллективное творчество, в основе своей подвижное, изменчивое, незавершенное, во множестве вариантов и видоизменений. Мыслитель подчеркивает, что «всяк волен рассказывать сказку по-своему, как ему лучше покажется, и уговор лучше денег: “врать не мешай”. Поэтому сказка есть как бы *всенародная тема для личного сновидения*; и тема как

будто говорит каждому человеку: “Вот она я — возьми меня, если хочешь, и присни себе меня по-своему”» [Ильин 1996, 262—263].

И. А. Ильин констатирует, что на сказках лежит печать народа, времени и той среды, в которой они длительное время жили — как нередко говорят, «бытовали». Он обращает внимание на то, что у сказки своя необходимость — душевно-духовного сокровенного свойства. Эта необходимость проистекает из потребностей национальной души и народного духа. Это необходимость национального простора, природы, национальной судьбы, национального характера и национальной борьбы. Эта необходимость у всякого народа своя: ведь у него свой особый характер, свои герои, свои слабости, свои пути. Даже созерцание пространства в народных сказках очень различно — русские сказки почти всегда имеют дело с необъятными просторами; герои их не ютятся в тесных городах, не корпят в тесных мастерских. Они отправляются через тридевятое царство в тридесятое государство, переплывают моря, попадают в подземное царство, летят по воздуху. Ученый считает, что по восприятию пространства только арабские сказки можно сравнить с русскими.

И. А. Ильин полагает, что в сказках русского народа, которому пришлось преодолевать суровость природы и жестокость климата и на протяжении тысячелетия с оружием в руках отбиваться от всевозможных врагов, безусловно, находит свое выражение его судьба. Вот почему в них столько говорится об опасностях, угрозах, о всяких отвратных чудищах, о старых ведьмах-людоедках, драконах, о могучих идолах-страшилицах и другом.

Мыслитель отмечает, что «герой сказок чаще всего Иван-Царевич или Иван-Коровий сын; в сказках описываются страдания, борьба, геройские подвиги, то есть в их истории в сжатом виде дается история русского народа — все включено в нее, все получает определенное звучание: жалобы русских на свою тяжкую долю, воспоминания о героях, совершающих чудеса храбрости; собственное подкрепление в духе, мужестве и силе, обращение к грядущим поколениям, предсказание будущего» [Ильин 1997, 37].

А теперь обратимся к взглядам В. Я. Проппа, крупнейшего фольклориста XX века, советского ученого, автора фундаментальных трудов «Морфология сказки» (1928), «Исторические корни волшебной сказки» (1946), «Русская сказка» (1984). В. Я. Пропп отмечал, что сказка содержит вечные, неувыдаемые ценности, эти ценности раскроются постепенно. Он указывал «на поэтичность, задушевность, на простоту и глубокую правдивость сказки, на ее веселость, жизненность, сверкающее остроумие, на сочетание в ней детской наивности с глубокой мудростью и трезвым взглядом на жизнь» [Пропп 1984, 27]. Сравнив взгляды В. Я. Проппа и И. А. Ильина — фольклориста и правоведа, — можно сделать вывод о том, что позиции ученых близки, а их литературный язык вызывает восхищение.

Сказка есть искусство. Лейтмотивом размышлений И. А. Ильина является мысль о том, что сказка — это искусство, сродное мифу, песне и узору; творчески рождающееся в той глубине, где живут у человека сновидения, предчувствия и прозрения. Вот почему рождение сказки есть сразу художественное и магическое.

Ученый отмечает, что русская сказка подобна пророчески заклинательному распеву; она проникает в сердце человеческое, привнося в него слово свободы, проявляя его внутренний взор, наполняя надеждой, освобождая от страха; своими видениями она дарит ему отдохновение, успокаивает, устрояет, умудряет. Вот откуда в русских сказках эти ритмические повторы. Именно потому и наши великие художники Жуковский и Пушкин пели свои любимые сказки в стихах, насыщая всенародный миф силою магической песни и укладывая сказку в совершеннейший и уже навеки неизменный узор слов. Мыслитель делает вывод о том, что «отсюда освобождение и пленение души благодаря русской сказке — ведь она приносит одновременно упоение и мудрость, страх и утешение, напряженность и облегчение, хаос и стройность, меткость слова и силу внушения (все, по чему постоянно тоскует пылкий темперамент русских)» [Ильин 1997, 36].

Законы, которым повинуются русская народная сказка. И. А. Ильин выявляет эти законы и характеризует их. По его мнению, сказка не повинуетя законам материи и тяготения, времени и пространства. Она повинуетя законам художественной мечты и законам национально-героического эпоса. Она повинуетя законам всемогущего волшебства и запросам сверхчеловеческой национальной силы: она слагается по указаниям пророческого сновидения, волевого порыва и созерцающего постижения. Эти законы таинственны; им можно предаваться, но их нелегко формулировать. Власть же их бесконечна и миропреобразующа. И вот ими-то живет, слагается и дышит сказка [Ильин 1996, 264].

Ученый полагает, что эти законы раскрывают предельные основания национального бытия: «Здесь *внешнее* послушно *внутреннему*, отсюда все эти летающие ковры-самолеты, шапки-невидимки, волшебные сундуки, магические кольца и перевоплощения. Здесь царит всемогущая сверхприрода, прорастающая из всемогущей художественной фантазии мечтательно-чающей души. Законы этой всемогущей природы научно-психологическим методом исследуют и формулируют то, чего еще не было, ведь сказочный герой весь — душой и телом — в этих законах сверхприроды, в этой невозможной для бытия и действия среде. Наш мир земной становится куда просторнее, изящнее и глубже; в вещах и в людях просыпаются новые возможности, новые перспективы, новые силы — в воздухе, в дальних далях, под землей. Сокрытое выходит на поверхность — порой неприязненное, злое, порой возвышенное и святое. Чудо становится явью, недостижимое — фактом, и человеческая жизнь сияет новыми красками и новым, более глубоким постижением безобразности и красоты» [Ильин 1997, 38—39].

Темы сказок. И. А. Ильин указывает, что из долгого периода своей предистории сказка восприняла по традиции множество тем, идей, образов, многие особенности волшебного вымысла. Отечественный специалист по русскому устному народному творчеству В. П. Аникин эту мысль формулирует следующим образом: «Сказки посто-

янно обновлялись и превратились в искусство, сопутствующее народу на протяжении долгих веков. Возросла обобщающая сила поэтических образов волшебных сказок. Сложился фонд сказочных сюжетов, распространенных, характерных поэтических подробностей. Образы волшебного повествования приобрели свою определенность и даже канон» [Аникин 2001, 460].

И. А. Ильин поясняет, что темы сказок живут в мудрых глубинах человеческого инстинкта, где-то там, в священных подвалах, под семьюдесятью железными столбами, где завязаны узлы национального бытия и национального характера и где они ждут разрешения, свершения и свободы. В эти подвалы национального духовного опыта не проникнуть ни гордецу, ни трусу, ни маловеру, ни криводушному. Но доверчивый и искренний простец, но скромный и храбрый в своей поэтической серьезности созерцатель проникает в эти своды и выводит оттуда рой народных сказок, разрешающих, свершительных и освобождающих. И для него эти сказки не выдумка и не небылица, а поэтическое прозрение, сущая реальность и начальная философия. Ученый считает, что не сказка «отжила» свой век, если мы разучились жить ею, а мы исказили свой душевно-духовный уклад и мы ветриваемся и отмираем, если мы потеряли доступ к нашей народной сказке.

Как нужно слушать сказку. И. А. Ильин задает исключительно важные вопросы: «Что же это за подступ к сказке? Что надо сделать, чтобы сказка, как избушка на курьих ножках, стала к лесу задом, а к нам передом? Как нам увидеть ее и зажечь ею, чтобы раскрылась нам ее вешая глубина и стал ясен ее подлинный духовный смысл?» [Ильин 1996, 262].

Мыслитель понимает, что волшебный мир сказки требует от слушателей игры воображения, психологического настроения. Поэтому ученый рекомендует следующее: не надо слушать и воспринимать сказку дневным сознанием. Ее нельзя рассказывать при свете дня или при лампе, а только вечером или ночью, в волшебном полумраке, который снимает с вещей их повседневность, — тогда все получает зыбкий, искаженный, таинственный и неожиданный вид.

И. А. Ильин объясняет, почему необходимо поступать именно так: «Сказку надо слушать как бы сумеречным сознанием, на грани полусна и полубодствования, когда душа становится беспомощной и детской, когда она готова строго, страстно отдаться в руки надежд и сомнений, когда со сказочными образами она уже не играет, а в них живет, в них раскрывается, воюет, побеждает и ликует. Русские сказители знают об этом превосходно и часто сами выстраивают мост — этот переход к сказке-созерцанию, этот выключатель света дневного сознания. Они сказывают сказки голосом глубоким, таинственно-глуховатым, внушительно-интимным, они создают в комнате полумрак, не терпят, чтобы их перебивали, вставляли реплики, возражали. И начинают сказку очень часто с присказки; иногда это рифмованная бессмыслица, иногда неразбериха-путаница, иногда легкий массаж воображения — и все это делается для того, чтобы подготовить душу слушателя, вызвать в ней сказочную установку» [Ильин 1997, 39].

Задача присказки. И. А. Ильин поясняет, что задача присказки состоит в том, чтобы притормозить прозаическую трезвость рассудка, задуть свечу эмпирической зауми, пробудить мифически-символический смысл сказки. Это своего рода пролог, который настраивает слушателя, но в отличие от оперной увертюры не дает и намека на главное в сказке, лишь надевает слушателю волшебные очки. Мыслитель использует метафору: «Эта присказка как будто берет душу слушателя за ее детскую ручку и ведет ее с распевным уговором прямо туда, куда надо — в мир древний и дивный, к самому царю Гороху... Сказка уж такая: она уводит, развязывая и окрыляя воображение, упоая и вдоволь, всласть напоая его; а потом приводит назад, заканчивая или обрывая это изобразительно-вообразительное пиянство пиянственной же концовкой: «Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало»» [Ильин 1996, 267]. Иван Александрович комментирует эту мысль следующим образом: «А это значит: сказка кончена, протрезвляйтесь, добрые люди, от вашего мечтательно-го пиянства; все равно ни я, ни вы вправду пьяны не были: только по усам

текло, в рот-то ведь не попало... Идет жизненная проза с ее разочарованиями и выгонит всех нас с нашего сказочного пира взащей» [Ильин 1996, 267].

Вопросы, на которые отвечает русская народная сказка. Тем не менее, И. А. Ильин убежден в следующем: «А все-таки пир был; было пиршество фантазии, и даже более того: ведь сказка есть своего рода путешествие, паломничество в края дальние, вожделенные, волшебные и мудрые; а тот, кто его предпринимает, приносит оттуда прекрасные дары — не соболя, конечно, и не прекрасную девицу, а целый ворох жизненных впечатлений, благоразумия, утешения и ума. Что же манит русского человека в эти страны? Что ищет в сказке он? О чем в ней вопрошает? Что говорит она ему в ответ?» [Ильин 1997, 40].

В результате своих исследований ученый приходит к выводу, что в сказке сосредоточены «вековечные» вопросы и ответы. Ученый указывает, что «вопросы, на которые отвечает русская сказка, всегда касаются главного: *национального мироощущения и национальной судьбы*. Сказка отвечает нам на самый важный вопрос — *о смысле жизни, о судьбе человека, тяготах и опасностях, о мудрости земной, об истинности пути*» [Ильин 1997, 41].

Что же касается ответа, поясняет Иван Александрович, то «он приходит не из религии, не из Писания или священного предания церкви (будь это иначе — сказка была бы уже не сказкой, а легендой). Ответ дается из *дорелигиозной, магической глубины*, где инстинкт, художество и опыт жизни скопили не последнюю, а предпоследнюю национально выраженную мудрость. В русских сказках вы не найдете *горный мир, Бога, Христа...* В них действуют добрые и злые силы, напасти и герои, добродетель и порок, черт, комически придурковатый, но никогда — Господь. Разве что встречается такое: «Ночь прошла. Иван-царевич встал, умылся, Богу помолился...». В русской сказке — *земная жизнь*, земные люди, то добрые, то злые и мощные, как стихия, злобные чудовища, с которыми приходится вступать в битву героям... События в сказках разворачиваются на земле как бы *до Бога или без Бога*: душевный пласт, где рождаются сказки, магичен

и дорелигиозен» [Ильин 1997, 41]. И здесь он вновь подчеркивает, что русская сказка есть наследие дохристианской культуры.

И. А. Ильин дает аргументированный ответ на вопрос о сокровенном смысле русской сказки. Ученый предельно лаконично и точно формулирует постановочные вопросы: «Чего ждет от своей сказки русская душа во всем ее своеобразии? Какие вопросы ставит она перед поэтической фантазией суеводно-языческого подсознания?» [Ильин 1997, 43]. Проницательный взгляд Ильина охватил данную проблематику и сформулировал шесть групп вопросов. Несомненной заслугой ученого является то, как и в какой последовательности он ставит эти вопросы.

1. *Что такое счастье земное?* В чем оно? Само ль оно плывет к праведному человеку или ускользает от него? И что нужно, чтобы добыть его? Праведным ли быть? Мужество ли показать? Силу ли проявить? Подвиг ли геройский совершить? В любви ли женской счастье? В богатстве? Во власти? Может ли злой человек быть счастливым? А может, счастье в доброте, жертвенности, верности и честности? И во всех этих вопросах, полагает И. А. Ильин, уже таится ответ: слышно, как тянется доброе сердце народа из суеводно-языческих рамок времени и души к христианству.

2. *Что такое судьба?* Откуда эта русская поговорка: «Умным — горе, а дуракам — счастье»? И потом — что это такое: дураки? А может, они и не дураки вовсе, а вполне нормальные, умные люди? А судьба — это то, что на роду написано? И правда ли, что муж и жена судьбою друг другу предназначены? Фатум и предопределение — это фантазия или реальность? Неужели человек обречен всю жизнь сидеть у моря ждать погоды? Или он все-таки своему счастью кузнец? И опять слышится нам, считает И. А. Ильин, в самих этих вопросах ответ: русская душа требует от судьбы справедливости, и от человека — верности без оглядки.

3. *Существуют ли в мире злые силы?* Да, есть злые силы, злые существа, посягнувшие на злодеянию, насилию, закабалению других, разбою, мучительству. Что это за силы? Откуда они? Как быть, когда они появятся? Чего хотят

эти чудовища? Как им противостоять? Как одолеть? Послушанием ли, службой, хитростью-обманом или героически биться с ними насмерть? Насколько они вредят человеку? А может быть, их можно обратить в добрых? И мы видим и ощущаем, констатирует И. А. Ильин, эту неслыханную школу выдержки, терпения, мужества, борьбы, находчивости в этой борьбе, изворотливости — школу, которую прошел русский народ.

4. *Нравственно-философские вопросы.* Можно ли прожить кривдою на свете? Удастся ли? Куда ведет кривда? Не предпочтительнее ли она правды? Легко ли иметь несправедную, злую совесть? И не парализует ли она творческие силы человека? В чем таинственная сила правды, любви, совестливости? И почему содеянное зло возвращается к виновнику и становится погубителью его? И как объяснить, что зернышко добра и любви, посеянное однажды человеком, позже расцветет на пути его цветком — то благодарности и безотчетной верности, то спасения от лютой беды? Значит, мир, как видно, хорошо устроен и великолепно управляем? Или это не так? Как дитя просыпается русская душа, отмечает И. А. Ильин, идет на ощупь нетвердыми шагами в поисках христианского мироощущения.

5. *Вопросы о людях.* Люди ведь различны, не равны. Есть умные, хитрые, глупые. Есть красавцы и уроды, богатые и нищие, цари и мужики, богатыри и карлики. Справедливо ли это? И почему так устроено? Действительно ли низшие — некрасивые, глупые, нищие, калеки — хуже других? Но, может быть, они лучше в чем-нибудь другом — сильнее, отважнее, добрее, умнее, смекалистее, благороднее? Что важнее — внешняя видимость, оболочка или незримая красота души? И кто должен царствовать в тридцатом царстве — тупое ничтожество или добрый и мудрый бедняк в лохмотьях?

6. *Философские и природоведческие вопросы.* Правда ли, что лишь возможное возможно, а невозможное исключено? Не таятся ли в нас и вокруг нас, в вещах и предметах, такие скрытые возможности, что о них даже думать никто не решается? Кто сказал, что по воздуху летать невозможно? Кто сказал, что пространство неодолимо, что вдали ничего не увидишь, издали ничего не услышишь? А вон у колдуна была

карета — «только сядешь, зажмуришься, глядь — ты и дома». Кто сказал, что нельзя в одну ночь построить дворец? А если можно? А если есть ковер-самолет, волшебная рубашка, скатерть-самобранка, шапка-невидимка, живая и мертвая вода, молодильные яблоки, неисчерпаемый кошелек? Что тогда?

А что, если ведьма мертвый зуб в голову вонзит или волшебный волосок воткнет? Что из этого выйдет? Не знаете? Человек уснет мертвым сном! А вы пробовали в минуту смертельной опасности бросить через плечо волшебный платок или волшебное полотенце? Нет? Ну, тогда о чем с вами говорить! А вы советовались в час беды с лохматой бабушкой-задворенкой? Иль со старичком-лесовичком? Иль с говорящим коньком-горбунком? А вы пробовали промчаться на верном сером волке через поля, леса? И откуда это известно, что человек знает только то, что знает, и не больше? Есть «тайна страшная природы», которую человек призван «светлою мыслью» постигнуть! Исходя из этого, И. А. Ильин предостерегает от поспешных выводов: «Коль вы не знаете об этом ничего, будьте же скромны и молчите. Сказка за вас все исследует, на все отвечает» [Ильин 1997, 47].

Кому предназначена русская народная сказка. Мыслитель убежден, что сказка ориентирована не только на детскую аудиторию. Она адресована слушателям всех возрастов, ибо ведет к мудрости. Мыслитель наставляет: «Не думайте, что сказка есть детская забава, несерьезное дело для умного человека: взрослый ее выдумывает, маленьким сказывает, а маленькие слушают и верят; верят, будто было то, чего не было, будто вправду такое было, чего и быть не могло. И еще не думайте, что взрослые умны, а дети глупы и что взрослому надо нарочно «притупиться» для того, чтобы детям сказку рассказать; а чтобы для себя, взрослого и умного, сказку прочесть или создать, то и приглупляться не стоит... Не обратно ли дело обстоит? Не от «ума» ли добрая половина нашего горя родится? Да и что такое глупость? Может быть, есть две разных глупости: одна бестолковая, а другая учительная? Одна от праха и грязи, а другая от чернозема? Одна от слепого самодовольства, а другая от испытующего недоумения? Одна глупит от гордости и ведет к пош-

лости, а другая глупит от смирения и ведет к мудрости. И вот, именно такова *народная*, и особенно *русская* народная сказка» [Ильин 1996, 259].

Все люди делятся на людей, живущих со сказкою, и людей, живущих без сказки. «Сказка». Как много говорит это слово едва ли не каждому, помнящему собственное детство. Именно ее, сказку, ученый выбирает критерием, позволяющим классифицировать людей: «Все люди делятся на людей, живущих со сказкою, и людей, живущих без сказки. И люди, живущие со сказкой, имеют дар и счастье *по-младенчески вопрошать свой народ* о первой и последней жизненной мудрости и *по-младенчески* внимать ответам его первозданной до-исторической философии. Такие люди живут как бы «в ладу» со своею национальной сказкою согласно чудесному и мудрому завету Лескова: “Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своею старою сказкою! Горе тому, у кого ее не будет под старость!” («Соборяне»)» [Ильин 1997, 272—273].

По мнению И. А. Ильина, русские народные сказки представляют собой исторический источник для сказок литературных, где также присутствуют элементы волшебства в различной авторской интерпретации. Для ученого признанным авторитетом литературной сказки в России является Александр Сергеевич Пушкин, которого он назвал «путеводной звездой русской культуры».

Широко известны слова Пушкина, написанные брату из Михайловского: «Знаешь мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма» [Пушкин 1966, 108]. И. А. Ильин дает глубокий и развернутый комментарий к этим пушкинским строкам: «В уединении деревенской жизни наш светлый гений уходил каждый вечер к великому морю человеческого созерцанья, туда, где у русской излучины растет вечно “зеленый дуб” русской национальной силы и русского национального духа; и мудрый, “ученый кот”, постигший науку тайноведения, мастер песни и ведун сказки, прикованный “златою цепью” истории к русскому дубу и русскому духу, — пел ему песни русского бытия

и сказывал ему сказки русской жизни... И мы — томимся ли мы, ищем ли общения с нашим народом, созерцаем ли мы наши русские судьбы, философствуем ли о нашем русском несчастье, или готовим к претрудной и опасной жизни наших русских детей — сядем вослед за Пушкиным под зеленый дуб нашей России, и пусть наш мудрый кот заведет нам свои песни и скажет свои сказки!» [Ильин 1996, 273].

И чудится нам, что эти строки написала о себе сама русская сказка пером И. А. Ильина и выговорила глубинную правду, которая заключается в том, что о волшебном царстве русской народной сказки следует обоснованно сказать: «Там русский дух... Там Русью пахнет!».

На склоне лет И. А. Ильин писал, что «мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь уберезет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу *только для России*» [Ильин 1993а, 365].

Возвращение праха ученого, гражданина и патриота И. А. Ильина, а ранее — его творческого наследия, на Родину свидетельствует о том, что восторжествовала историческая справедливость — Иван Александрович Ильин занял достойное и почетное место среди национальных мыслителей России.

Литература

- Аникин 2001 — Аникин В. П. Русское устное народное творчество: Учебник. М., 2001.
Ильин 1993 — Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 1.
Ильин 1993 а — Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 2
Ильин 1994 — Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1994. Т. 3.
Ильин 1996 — Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. 2.
Ильин 1997 — Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1997. Т. 6. Кн. 3..
Ильин 1999 — Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903—1938). М., 1999.
Леонова 1982 — Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: Поэтическая система жанра в историческом развитии. Томск, 1982.
Пропп 1984 — Пропп В. Я. Русская сказка. Л., 1984.
Пушкин 1966 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М., 1966. Т. 10.
Шмелев 1998 — Шмелев И. С. Душа России. Сборник статей от 1924—1950 гг. СПб., 1998.